

Аксёнка

Не похотел Аксёнка отца, мать поить, кормить, пошел Аксёнка тёмным лесом, сырым бором, - нашёл он в темном лесу, во сыром бору на татей-воров-разбойников: делят оне золоту казну несчетную на двенадцать жеребьев. «Вам божья помочь, - татии вы, разбойники; - делить вам золота казна несчетна на двенадцать жеребьев! Делите вы золоту казну на двенадцать жеребьев, а кладите мне, Аксёнку, и на тринадцатой!»

Воспроговорил большой атаман: «Ох, ты, детина-засельшина-деревеньшина! Не пособлял ты нам наживать золоту казну несчетную, - теперь стал паю прошать, ко казне приступать!» «Ох, вы, тати - говорит - разбойники! Берети-ко вы бердыши широкие, секите Аксёнку буйну голову со могучих плеч!» Аксёнка-то не ослышался, и скоро скакал на резвы ножки, вырвал сырой дуб из корню из заодного удару - большова замаху, и бил он татей-разбойников до единого. Воспроговорил большой, старой атаман: «Оставь ты, малютонька, хоть единого на семена!» Убил Аксёнка с первого да и до последнёго, и склал он золоту казну в лёгки сумочки да в перемётныя, и пошел Аксёнка в славной Румянцов монастырь. Не заходил Аксёнка в соборну церкву Микольскую и не прикладывал он к ей золотой казны, золотой казны несчетныя; и заходил Аксёнка в бок да в сторону, да на царев кабак и брал Аксёнка на единый дух; выходил Аксёнка шибким голосом: «Доброхоты царски, голи кабацки, идите пить вина на мою золоту казну, золоту казну несчётную; я буду деньги заносить». Монастырцы были догодливы, - догадались, да к Аксёнку-то и стали привязываться: где он взял золоту казну? Гораздо (верно) он нашу церкву ограбил, церкву Микольскую? - и сковали у Аксёнка ножки резвыя и связали белы ручки во чумбуры во шелковые, повели Аксёнка казнить и весить. Доходил Аксёнка до виселицы, - говорил Аксёнка шибким голосом: «Ой, вы, монастырцы - мужички догадливые, дайте вы мне при последнем времячке выпить зелена вина да полтора ведра!» Дали выпить Аксёнку; выпил Аксёнка, да и воспроговорил, после чары зелена вина, таково слово: «У кого же есть отец, мать, - не ходил бы тот смотреть смерти Аксёнковой!» Тут у малюточки сердце възъярилося, могучия плечи расходилися; тут малютонька тряхнулся, ворохнулся, порвал он железа немецкия и чомбуры шелковые, да взял мужика за ноги, да ну-ко он им на оберучь 1 косить, да бить... Ушёл Аксёнка, стал отца и мать поить и кормить.

Взято из «Пермского Сборника», книж. II. М. 1860 г.

1 На обе стороны.